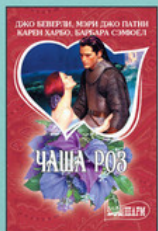

Карен Харбо

Английская роза: мисс Темплар и Святой Грааль

*Часть сборника
Чаша роз (сборник)*

Карен Харбо
Английская роза: мисс
Темплар и Святой Грааль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964383

Чаша роз: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-41702-3

Оригинал: "Chalice of Roses"

Перевод:

Наталья Николаевна Аниськова

Аннотация

Прекрасной американке предстоит выбрать – спасти жизнь любимого или сохранить эту тайну...

Содержание

Глава 1,	4
Глава 2,	14
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Карен Харбо

Английская роза: мисс Темплар и святой Грааль

Глава 1, *в которой изысканная мисс Темплар получает грязную плошку и записывает свои впечатления*

5 апреля 1806 года

Нет ничего более одиозного, когда Святой Грааль суют в руки человеку, который собирается войти в «Олмак». Но что я могла сделать? Я уже поставила ногу на первую ступеньку. Мама и кузина Джинн были уже в дверях. Позади меня собралась толпа желающих поучаствовать в мероприятии.

Кто-то коснулся моего плеча, я обернулась, собираясь по-приветствовать подругу. Вероятно, это Клэрис, поскольку она одна из моих ближайших подруг и говорила, что будет на балу.

Вместо этого мужчина в маске весьма дерзко взял мою руку и сунул в нее чашу, похожую на грязную оловянную

плошку.

– Вы Хранительница Грааля. Берегите его, – шепнул он мне на ухо и растворился в толпе.

Мужчина в маске. В самом деле! Почему он не мог появиться в нормальном вечернем костюме, с аккуратно повязанным галстуком, представиться мне приличествующим образом, пригласить меня на танец-другой, а на следующий день приятно напомнить о себе букетом цветов? О нет, он не мог этого сделать. Нет, он должен был явиться в маске, посмел тронуть меня за плечо, вообще не представившись, и заговорил в такой манере, что любой наблюдатель счел бы его пьяницей или идиотом.

Я слышала за своей спиной пересуды. От этого я совершенно забыла про веер и не могла спрятать сердитого румянца. Обернувшись, я наилучшим образом изобразила оскорбленную графиню Ливен¹ и с удовлетворением заметила, что мой взгляд заставил замолчать двух болтушек (это были Гвендолин Хасборо и Алиса Мейфилд, я никогда не смеялась, если они оказывались в неловкой ситуации, и не понимаю, почему они так обошлись со мной).

Мои глаза уловили какое-то движение за спиной у болтушек, в свете фонарей я увидела промелькнувший плащ и две фигуры, похоже, бросившиеся за мужчиной, который заго-

¹ Д.Х. Ливен, урожденная Бенкендорф, сестра шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, знаменитая светская львица, тайный агент русского правительства в Лондоне, вошла в историю как первая русская женщина-дипломат.

ворил со мной.

Мама нетерпеливо взглянула на меня:

– Поторопись, Арабелла, воздух холодный, боюсь, пойдет дождь и испортит твоё платье.

Я ускорила шаг и едва не выронила чашу. Но... странное покалывание, пробежавшее от кончиков пальцев к моему сердцу, заставило меня остановиться. Ощущение казалось странно знакомым, я подумала о семейных преданиях о Граале и Совете Грааля, которые папа рассказывал мне в детстве... а мама только пренебрежительно отмахивалась, когда я спрашивала ее об этом.

«Все это чепуха», – сказала я себе, но тем не менее сунула чашу в карман накидки и поторопилась вслед за мамой. Когда я вошла в холл, чаша задевала меня по ноге. Это очень раздражало, поскольку отвлекало меня от моей цели: приятного вечера в «Олмаке», с танцами, болтовней и высматриванием подходящих джентльменов.

Я решительно настроена сделать своей целью в этом году поиски мужа, поскольку все остальное только приводит к проблемам, и после того как папа обрел небесный покой, мама...

Гм, на этот счет я могу сказать только то, что наша семья раньше была другой. Я хочу, чтобы мамочка снова была счастлива, а это означает, что я должна по мере сил своих быть хорошей и найти себе привлекательного мужа. Я даже оставила занятия фехтованием и стрельбой из пистоле-

та, хотя должна сказать, что ужасно по ним скучаю, я наслаждалась ими вместе с папой. Кроме того, фехтованием меня увлек не кто иной, как мой брат Берти, а он не самый стоворчивый брат в мире.

Но вернемся в «Олмак». Я не знала, что делать с чашей, первой моей мыслью было спрятать ее за горшком с апи-дистрой. Но какой-нибудь слуга мог убрать большое растение из холла, и мне не оставалось ничего другого, как вместе с кузиной Джинн оставить накидку в кресле. Некоторые насмешливо поглядывали на нас из-за того, что мы взяли с собой бедную родственницу, да еще француженку, но это не ее вина, что она француженка, а ее родные погибли на гильотине.

Я решительно выбросила чашу из головы, поскольку должна обзавестись мужем. Тогда мама снова будет счастлива. Я уже добилась того, что она улыбается, глядя, как я танцую то с одним джентльменом, то с другим, пока не выбьюсь из сил. Я отправила Джинн танцевать с джентльменом, которому мама ее представила как де ла Фер. Так что вряд ли кузина безродная, к тому же мама раздобыла для нее поручителей.

Я лениво обмахивалась веером, улыбалась проходящим мимо молодым людям, мечтая, чтобы кто-нибудь из них принес мне лимонаду. Никто этого не сделал. Я всегда считала ужасными правила этикета, по которым нужно прийти в сопровождении джентльмена, прежде чем попросить его при-

нести бокал лимонада. Было бы куда легче дернуть кого-нибудь за рукав и попросить или, даже лучше, самой налить себе щедрую порцию и с облегчением осушить, особенно после четырех-пяти танцев подряд.

Но так не полагается!

Когда лицо мамы осветилось улыбкой при появлении леди Каупер с джентльменом на буксире, я решила, что Провидение наконец исполнило мое желание. Я улыбнулась ее сиятельству, поскольку любая молодая женщина в здравом рас­судке была бы глубоко тронута видом мужского совершенства, которое леди Каупер влекла за собой.

– Дорогая мисс Темплар, позвольте представить вам мистера Уильяма Марстоуна. Мистер Марстоун, мисс Арабелла Темплар.

Мужчина изящно, хотя и с намеком на скованность, склонился над моей рукой, и я должна признать, что мое сердце встрепенулось. Как могла я не восхищаться волосами, темными, как ночная буря, чудесными скульптурными губами, твердым подбородком и темно-зелеными глазами, которые были... странно знакомы.

– Рад познакомиться с вами, мисс Темплар, – сказал он.

Наш викарий Бентли говорил: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно»², и когда я услышала голос этого джентльмена, я поняла, что он «взял». Определенно я кончу в аду, поскольку понимала, что кощун-

² Библия, Книга Иова. 1, 21.

ствую, и не испытывала ни раскаяния, ни сожаления.

– Я тоже, – солгала я, тем самым глубже ввергая себя в пучину ада.

Да, это был он, человек в маске, если не считать того, что сейчас на нем не было ни маски, ни плаща. Но голос нельзя было спутать – низкий, музыкальный, с приятным тембром, – у меня хороший слух. Об одном я жалею – наши голоса прекрасно слились бы в дуэте, но я, конечно, не собираюсь петь с этим идиотом... или с сумасшедшим. Задумавшись над двумя этими вариантами, я остановилась на идиоте. Сумасшедших в «Олмак» не пускают.

Я удерживала на лице любезную улыбку вопреки желанию прогнать мистера Марстоуна, что могло быть причислено к добродетели.

– Вы удостоите меня танцем, – сказал он тоном, подразумевающим, что я соглашусь, но я слышала в его голосе и настойчивость.

Раздражение боролось во мне с любопытством, любопытство победило. Кроме того, леди Каупер поглядывала с одобрением, и мой отказ вызвал бы ее неудовольствие. Еще я вспомнила, что лучше не раздражать безумца, пока он не устроил сцену, что просто невозможно в «Олмаке».

Извините, не безумца, а идиота.

– Мы должны встретиться... наедине, – сказал он, ближе привлекая меня в танце.

Я обмахивала рукой лицо, словно желая остудить смущен-

ный румянец. Не сомневаюсь, что я действительно порозовела, но от злости.

– Мы только что познакомились. – Фигуры танца разделили нас, но я успела услышать, как проклятие слетело с его губ.

Его досада доставила мне удовлетворение, и моя улыбка стала добрее, когда мы снова встретились в линии танца. Однако моя улыбка не прогнала его хмурого вида, и я заметила легкий блеск на его лбу. Я почувствовала укол сомнения. Он высокий, на вид крепкий мужчина, и танец не мог его утомить до испарины. Или заставить побледнеть.

Я с беспокойством посмотрела на него, но настойчивость на его лице вынудила меня опустить взгляд. Что-то запачкало подол моего платья, цвет контрастировал с бледно-абрикосовым шелком.

Кровь. Она капала с его рукава.

Я ахнула и быстро вывела его из круга танцующих, не обращая внимания на сердитые восклицания и надеясь, что стон мистера Марстоуна не признак ухудшения состояния.

Я также игнорировала возмущение мамы и перешла сразу к делу.

– Мама, мы должны уехать и забрать с собой мистера Марстоуна, у него серьезная рана и кровотечение. – Повернувшись к нему, я ухитрилась усадить его в кресло рядом с мамой. И думаю, вовремя, поскольку он становился все бледнее и покачивался на ногах.

Мама открыла было рот, собираясь запротестовать, но я уже обнаружила рану мистера Марстоуна. Я указала на красное пятно, расплывающееся по левому рукаву его сюртука:

– Посмотри, мама, это кровь.

Он начал клониться вперед, и я поспешно толкнула его, выпрямляя в кресле. Мама уставилась на его руку, потом на меня, и протесты исчезли.

– Ты права, дорогая. – Мама наклонилась к нему: – Мистер Марстоун, у вас тут есть слуга? Вы можете встать?

Я заметила, что в нашу сторону с любопытством поглядывают.

– Мы должны быстро уйти, – сказала я маме. – Мы слишком привлекаем внимание, а ты знаешь, какие тут сплетники.

– Слуги нет. – Мистер Марстоун закрыл глаза. – Я могу идти. – Казалось, ему пришлось приложить усилие, чтобы поднять веки. – Идемте. Сейчас. – Он встал, едва заметно покачиваясь. – В меня стреляли. – Он казался удивленным, думаю, он был в шоке, сам того не сознавая.

Джинн хоть и встревожилась, но тем не менее уже забрала наши накидки, когда мы вышли в холл. Мы – мама с одной стороны, я с другой – довели мистера Марстоуна до подождавшей нас кареты и втолкнули в нее, это было непросто, поскольку он потерял сознание. Никогда я не была так благодарна Джинн за ее здравомыслие: она сообразила вызвать нашу карету, пока собирала накидки.

– Сними с него сюртук, – сказала мама, в свете уличных фонарей я увидела, как помрачнело ее лицо. – И давай мне все носовые платки, что у тебя есть. Иначе он умрет от кровопотери.

Снять сюртук с мистера Марстоуна было не просто, он был высокий и тяжелый мужчина. Его бессознательное состояние было помехой, как и размеры кареты. Но я сумела высвободить его из рукава, он лишь немного застонал, мама одобрительно кивнула:

– Достаточно. Джинн? – Она повернулась к моей кухне.

– Да, мадам. – Джинн протянула ей носовой платок, увы, очень тоненький.

Я торопливо искала в сумочке свой, который гораздо больше, ведь какой прок от крошечного платочка, если человек собирается чихнуть? Найдя свой платок, я связала его с маминым и с платком кухни и быстро перевязала руку мистера Марстоуна.

– Это поможет, – сказала мама, и я не могла удержаться от мысли, что она не добавила «я надеюсь».

Казалось, мы очень долго ехали домой, а потом слишком долго искали крепкого слугу, чтобы проводить мистера Марстоуна в голубую комнату. Я послала другого слугу найти доктора Стедсона. Поднимаясь по лестнице, чтобы помочь маме и Джинн, я чувствовала, как мою ногу задевает чаша, которую дал мне мистер Марстоун.

– Глупец, идиот, – бормотала я. – Прийти и погубить все

мои планы сделать маму счастливой.

Помогая доктору Стедсону обследовать рану, пока мама держала мистера Марстоуна (он был силен и даже в бессознательном состоянии пытался сопротивляться), я вспоминала, как мы делали то же самое для папы. Я взглянула на маму, на ее лице было то же выражение, как тогда, когда она так же помогала папе, и на миг я порадовалась ране мистера Марстоуна, если это поможет маме снова ожить.

Порадовалась, пока его не вывернуло, конечно.

На этом я закончу дневник, пора спрятать мою маленькую книжицу в надежном месте, чтобы Берти не стащил ее и не посмеялся надо мной снова. Я утомилась от танцев, от помощи раненому человеку, которого тошнит, и очень хочу спать. Завтра напишу больше.

Арабелла.

Глава 2, *в которой рыцарь Грааля сомневается*

6 апреля 1806 года

Моя рана заживает не так быстро, как следовало бы. Должно быть, это как-то связано с Копьем Всевластия, которое оказалось в моем распоряжении, или, возможно, с Граалем...

Чертовски трудно писать дневник, когда рука на перевязи, даже если это не правая рука. Нога – не слишком удобная подставка для письма, и я не могу придерживать тетрадь левой рукой, чтобы она не соскользнула...

Я надеюсь быстро оправиться, поскольку пуля прошла на вылет и не задела костей. Прошлые раны заживали быстро, когда Грааль был у меня. Я попрошу мисс Темплар принести его мне, так что его целительные силы могут помочь мне... если я достоин, конечно. По крайней мере Грааль вырван из рук агентов Наполеона Бонапарта и в руках Хранительницы Грааля, пока.

Хотя, возможно, я дал бессмысленное поручение. Избранная Хранительница Грааля, несмотря на ее быструю помощь мне, всего лишь глупенькая девица, озабоченная модой, танцами и поисками мужа. Наблюдение за ней до ране-

ния убедило меня, что Совет Грааля ошибся, избрав ее для этой миссии. Хотя ее семья старинная и знаменитая, Темплары, когда святые реликвии попадают к ним, чаще погибают, чем остаются в живых и защищают святыни. Они преданы своему долгу. Но я не могу быть уверенным, что эта девица хотя бы попытается поддержать семейную традицию.

Нет, я не желаю ей смерти. Она краси... (*зачеркнуто*) сносно выглядит и, вероятно, станет кому-нибудь подходящей женой. Не мне, конечно, я призван быть рыцарем Грааля и должен оставаться целомудренным. Как и она... если она действительно Хранительница Грааля.

Я следовал за ней последние три дня, чтобы узнать, занимается ли она какими-нибудь благотворительными делами, есть ли у нее благородные цели, достойные Хранительницы, но вместо этого мне пришлось заходить в каждый «только один магазин» на Бонд-стрит в попытке узнать ее характер.

Да уж, Совет, должно быть, выбрал ее из-за внешности, а не из-за мозгов. Она выглядит чудесно (*зачеркнуто*)... довольно мило, со стройной фигурой, кудрявой золотистой головкой и красивой грудью, но больше сказать нечего, если не считать острого язычка, который обычно свидетельствует о наличии хоть какого-то ума. Сознаю, я, должно быть, неверно оценил ее ум, поскольку она быстро пришла мне на помощь и не ударилась в истерику. Но этого недостаточно, чтобы быть Хранительницей Грааля.

Завтра я напишу письмо Совету и попрошу, чтобы они

пересмотрели свое решение относительно мисс Темплар. Но даже если она действительно Хранительница, боюсь, она не подходит для этих целей, и семья Темплар понесет очередную потерю. Однако я должен спешить. Это удача, что мне дали приглашение в «Олмак» и я смог улизнуть от своих преследователей, поскольку даже агенты Бонапарта не проскользнут мимо настороженных и сердитых глаз леди Джерси. Но дом Темпларов такие драконы не охраняют, и все находящиеся в нем в опасности.

Невзирая ни на что, я должен убедить мисс Темплар в ее долге или попытаться самостоятельно доставить Грааль в Рослинскую часовню, где он будет в безопасности. Проблем со стороны леди Темплар я не ожидаю, она должна осознавать долг семьи ее мужа перед Граалем и перед Советом Грааля. Чем дальше будет Святая чаша от Бонапарта, тем лучше. Хотя я жалею, что бросил Копье в Темзу, но по крайней мере оно там, откуда шпионы Бонапарта не могут его достать. Лучше пусть оно пропадет навсегда, чем окажется у тирана. У меня нет властных амбиций, но даже у меня промелькнули мысли о завоевании, когда я держал Копье в руках.

Я слышу, как голоса приближаются к моей спальне, не могу больше писать...

У. Марстоун.

7 апреля 1806 года

Я не знаю, кому довериться. Мама, не одобряющая все сверхъестественное, не поймет. Джинн... Мистер Марстоун в лихорадочном бреду упоминал Бонапарта, и хотя я знаю, что кузина не связана с этим тираном, я не могу рисковать скандалом, реальным или воображаемым.

Я не могу удержаться, вытаскиваю Грааль и смотрю на него. Мне не следовало этого делать, но бывают ситуации... Грааль, похоже, меняется всякий раз, когда я держу его в руках. Меняется медленно, так что я не могу быть уверена. Когда я впервые взяла его в руки, он показался мне грязной жестяной плоской с дырками. Дырявый Грааль.

Во второй раз дырок было меньше, а сейчас, когда я снова смотрю на него, их нет совсем. Нет... я не ошиблась. В какой-то момент, когда я коснулась его, он отливал золотом. Я коснулась его снова, но это была лишь оловянная чаша.

Без дыр.

Это, должно быть, обыкновенная чаша. И никаких дыр, никакого золота, все это игра света и тени. Я все это себе вообразила. Именно вообразила.

Ох, я пишу чепуху. Глупая я курица. На этой неделе я каждый вечер бывала на балах. Неудивительно, что усталость сыграла злую шутку с моим умом.

Напрасно я вожу пером по бумаге, это тоже глупо. Но по крайней мере я смогу посмеяться над собственной глупостью через несколько месяцев, когда перечитаю дневник.

Скажу маме, что мне нужно немного отдохнуть от балов и раутов и выспаться. Она согласится, я уверена, поскольку не раз видела, как она зевала за ленчем.

Взамен я постараюсь убедить Бертрама пофехтовать со мной. Да, я знаю, я отказалась от подобных занятий, но иначе я с ума сойду от скуки, а нам одного безумца-идиота под нашей крышей вполне достаточно. Надеюсь, мне удастся пофехтовать. Бертрама стало труднее убедить, поскольку я так наловчилась, что несколько раз победила его. В последний раз я попросила его показать мне какие-нибудь новые приемы, он отказал, но я уверена, что своего добьюсь, он милый и добрый брат и ужасно мне потакает. Я должна убедить Бертрама, это отвлечет мой ум от Уилл (*зачеркнуто*)... от раздражающего мистера Марстоуна.

До следующего раза...

Арабелла.

* * *

«Старейшине Совета, достопочтенному Джейсу Рентону.

Извините, что не написал раньше. Я был болен лихорадкой и еще не совсем оправился. Объект нашей взаимной заботы теперь в безопасности, при знакомстве мисс Темплар

оказалась лучше, но я тем не менее думаю, она не подходит. Я знаю, что время дорого, и могу обратиться к своей сестре с просьбой помочь мне своими медицинскими навыками, но ей слишком опасно приезжать сюда. Я найду способ уехать с объектом как можно быстрее и вернуть его в Рослин.

Ваш слуга

Уильям Марстоун».

* * *

10 апреля 1806 года

Я теряю всякое терпение с мистером Марстоуном. Слава Богу, он одолел лихорадку, но вряд ли настолько окреп, чтобы вставать с постели, а он настаивает. Мама убедила его, что он должен остаться по крайней мере на две недели, а там доктор Стедсон снова его осмотрит.

Но это еще не все. Меня и мама раздражает, она считает, что я должна ухаживать за мистером Марстоуном, и находит массу причин оставить нас наедине. Думаю, она замышляет подтолкнуть нас друг к другу, ведь никто не станет отрицать, что Марстоуны – состоятельное, старинное и уважаемое семейство, хотя некоторые считают их эксцентричными. Мой брат говорит, что они славятся разведением прекрасных лошадей, полагаю, это кое-что значит.

Я понимаю, что противоречу себе. Мне следовало бы желать, чтобы раздражающий меня мистер Марстоун поскорее

убрался из нашего дома вместе с Граалем, но столь же раздражает то, что он поднимается с постели, хотя рана еще не зажила.

Одно я знаю наверняка: лучше пусть Грааль будет у мистера Марстоуна, чем у меня. В результате я решила сегодня утром вернуть Грааль ему, и не важно, в постели он или нет.

Одевшись, я вытащила завернутую в шаль чашу из-под подушки и подняла ее к утреннему свету, чтобы в последний раз взглянуть на нее.

Никаких дырок не было, и хотя поверхность была тусклой, под коричневой патиной, казалось, поблескивал неуловимый свет. Но поскольку я продолжала подставлять чашу солнечным лучам, пробивавшимся сквозь шторы в моей спальне, никакого другого света, кроме солнечного, не было. Это загадка. Я хорошо выспалась, так что не могла списать на усталость то, что вижу лишь оловянную чашу.

Но это не имеет значения, я не желаю иметь дело с тайнами.

Я снова завернула чашу в шаль, вызвала горничную и велела подать завтрак в комнату мистера Марстоуна. Когда я постучала в дверь, он пригласил меня войти, я увидела, что завтрак уже подан, как я и просила, но еды было на двоих, а не на одного. Подозреваю, что к этому приложила руку мама, поскольку я обещала ей, что проверю состояние мистера Марстоуна. Однако я отбросила раздражение. Для меня нет разницы, где завтракать: в гостиной или у постели Уилла

(зачеркнуто)... мистера Марстоуна. Кроме того, я принесла Грааль и верну его.

Закрывая дверь, я замялась, для соблюдения приличий следовало оставить ее немного приоткрытой. С другой стороны, если это действительно Грааль, и учитывая, с какой конспирацией мне его вручили, разумнее сохранить приватность.

В результате, когда он поднял брови в ответ на мое решение, меня это возмутило: не ему говорить о приличиях. В конце концов, он сам поступил неприлично, заговорив со мной в «Олмаке». Моя досада только усилилась, когда я взглянула на него. Он был бледен после лихорадки, распахнутая у ворота ночная сорочка открывала его грудь, от которой я добропорядочно отвела взгляд, прежде чем увидеть ее мускулистый простор... мне было трудно удержаться и не глядеть на нее, внимание мое, похоже, стало легко отвлекаться, я потеряла дисциплину ума, которую развивала, оттачивая приемы фехтования.

Если это происходит оттого, что я пытаюсь выполнить свой долг перед мамой, то уж лучше я буду побеждать Берти в фехтовании, мне сложностей в жизни не нужно.

Я обнаружила, что стиснула зубы. По городу ходили слухи, что мы с мамой ловко ухватились за шанс оставить мистера Марстоуна в нашем доме, и все потому, что мне отчаянно нужен муж. Можете себе вообразить, как меня это разозлило, но не оставалось ничего другого, как смеяться над эти-

ми сплетнями на публике и изо всех сил стараться, чтобы Уилл (*зачеркнуто*)... мистер Марстоун покинул наш дом как можно скорее. И отказаться от Грааля – оловянной плошки – первый шаг к этому.

Но он не имеет права выглядеть таким беспомощным и в то же время таким мужественным. Это вызывает во мне жалость к нему, а этого не должно быть, если я собираюсь отказаться от миссии Хранительницы Грааля.

– Мисс Темплар... – начал он.

– Мистер Марстоун... – одновременно сказала я и чуть не зарычала от злости, поскольку унисон наших голосов едва не лишил меня самообладания.

Он изящно склонил голову, уступая мне право говорить первой, чем еще больше вывел меня из терпения. Прежде чем заговорить, я собралась с мыслями.

– Мистер Марстоун, я принесла вам... Грааль. – Язык мой споткнулся на последнем слове, я до конца не могла поверить, что это действительно Грааль, несмотря на то что дырки сменились неуловимым блеском.

– Принесли? Отлично, – сказал он.

Я заморгала. Это был не тот ответ, которого я ожидала, я даже испытала странное разочарование. Я решила, что его все еще лихорадит и он не понимает, что говорит. Или, напротив, он опомнился и передумал отдавать мне Грааль. Так или иначе, я развернула шаль и вручила ему чашу.

На лице мистера Марстоуна появилось благоговейное вы-

ражение, его глаза засияли, он сделал глубокий вдох.

– Вы сохранили его. Спасибо, – сказал он, с благодарностью глядя на меня.

У меня дух захватило, и что-то во мне, сломавшись, открылось. Он смотрел на меня так, будто я только что родилась из пены, как Венера. От его настойчивого взгляда я отвела глаза и, к своей досаде, почувствовала, что краснею.

– Это просто чаша, – ворчливо сказала я. – Я совсем не уверена, что это Грааль. – Я заставила себя снова посмотреть на мистера Марстоуна.

И тут же пожалела о своих словах: благодарность на его лице сменилась удивлением, потом неодобрением.

– Как вы можете сомневаться? – сказал он. – Разве вы не видите, как он сияет внутренним светом? Каждый, у кого есть глаза, должен видеть это.

Я не видела ничего, кроме оловянной чаши, без дырок, конечно, но никакого света, никакого сияния. Я снова посмотрела на мистера Марстоуна и почувствовала еще больший упадок внутри. Это ощущение мне не нравилось.

– Нет. – Я отступила на шаг. – Я вижу лишь оловянную чашу, а вы в лихорадке или безумны, если думаете иначе. – Слова вырывались у меня быстро и резко. – Я... я пошлю за доктором Стедсоном и велю подать травяной отвар.

Я трусиха, я повернулась и выбежала из комнаты.

– Мисс Темплар! – сказал мне вслед Уилл, но я не остановилась. Я не могла удержаться и взглянула на него, только

чтобы увидеть его расстроенное лицо, мне показалось, что в его руке появился свет. Но, посмотрев еще раз, увидела лишь его хмурый вид и оловянную чашу в его руках.

На этом я закончу... больше не могу писать. Мой ум переполняет изумление и злость на себя, что я могла подумать о бегстве, поступила как трусиха перед человеком, который эксцентричен или, хуже того, потерял разум. Господи, помоги мне, глупой!

Арабелла.

* * *

11 апреля 1806 года

Мне плохо из-за Ара... (*зачеркнуто*)... мисс Темплар. Не надо было так резко знакомить ее с Граалем. Это реликвия с огромной силой, а мисс Темплар, похоже, неизвестны свойства Грааля и связанная с ним ответственность. Вероятно, если бы ей сказали об этом до того, как я вручил ей Грааль, она была бы способна увидеть, какое это чудо.

И все-таки я не знаю, как она может думать, что это простая оловянная чаша. Я смотрю на него сейчас, когда пишу. Правда, говорят, что чаша была сделана из олова, что сам Иосиф Аримафейский работал над ней в своей мастерской и отдал для Тайной вечери, но она сияет чудесным светом, порой столь ярким, что мне приходится отводить глаза.

Кстати, чаша оказала свой эффект, хотя она лучше рабо-

тает при посредстве Хранительницы Грааля, моя рана почти закрылась и стежки, которые наложил добрый доктор Стедсон, начинают отпадать. Такова сила Грааля, что Арабелле (*зачеркнуто*)... мисс Темплар нужно был лишь немного подержать его, чтобы проявилась целительная сила. Сожалею о своих сомнениях в том, что она Хранительница Грааля. Никто другой не может вызвать эффект исцеления.

Да... она видит только оловянную чашу. Это загадка. Хранители Грааля в прошлом благоговели перед сосудом, увидев его. Но не мисс Темплар.

Возможно, дело в том, что она привыкла к этому. Мне нужно изменить ее отношение, когда мы увидимся в следующий раз. Важно, чтобы она приняла ответственность Хранителя как можно скорее, поскольку агенты Бонапарта охотятся за мной в Англии. Если бы они не подстрелили меня у входа в «Олмак», то мы были бы куда ближе к Рослину, чтобы укрыть Грааль в самом тайном и секретном месте. Я должен спешить. О моем пребывании здесь пошли слухи, если о них узнают вражеские агенты, это навлечет опасность на семью Темплар.

В связи с этим я должен возобновить исполнение своего долга и устранить недопонимание между мной и мисс Темплар. Мне следовало добиться большего, чем валяться в постели. Такой вид любого отвратит. Я должен одеться и съесть завтрак, размер которого свидетельствует, что он предназначался и для мисс Темплар...

Позднее

Закрылась рана или нет, но надеть одежду, которую принесла мне из моей обители леди Темплар, стоило мне значительных усилий, без сомнения, это эффект лихорадки. Тем не менее я был одет и сидел в кресле у камина, когда мисс Темплар снова вошла в мою комнату, опять без горничной, но на этот раз ради приличия отставила дверь открытой.

Несмотря на эту предосторожность, она держалась поодаль и взирала на меня так, будто у меня вдруг третий глаз появился. Я обдумывал эти перемены, глядя, как она осторожно садится на краешек кресла на значительном расстоянии от меня, и начал сознавать нарастающее раздражение. Я понял, что ее манеры такие же, как я наблюдал у людей, которых заставляют иметь дело с бешеной собакой. Мое раздражение усилилось.

– Мисс Темплар, обещаю вам: я не буду кусаться, – сказал я.

Склонив голову набок, она искоса смотрела на меня, словно сопоставляя мои слова с состоянием моего ума.

– Конечно. – Ее голос был нарочито успокаивающим, от такого тона у менее покладистого пациента приступ бы случился.

– Вы пытаетесь потакать мне, – сказал я, открыв в себе

способность говорить сквозь сжатые зубы.

– Вовсе нет, я просто слежу за покоем гостя. – Она коротко и деланно рассмеялась.

– Не умеете вы лгать. – Я тут же пожалел о своих словах, мне было ясно, что я потерял терпение. Я прочистил горло, разжал зубы, сделал вдох и выдох. – Извините, рана и лихорадка сделали меня грубым и неблагодарным гостем. – Это возымело действие: разгневанное выражение исчезло с ее лица, но настороженность осталась. Я снова заговорил: – Дорогая мисс Темплар, мне нужна ваша помощь. Моя рана теперь зажила благодаря силе Грааля, и я высоко оценю, если теперь вы заберете его и возьмете на себя обязанности Хранительницы чаши. Моя болезнь и временное пребывание здесь не отменяют мой долг сберечь Грааль от шпионов Бонапарта.

Она смотрела на меня скептически.

– Даже если я и Хранительница Грааля, вряд ли вы можете заявлять, что выздоровели. Пулевое ранение не заживает за несколько дней, как бы ни был крепок организм человека. Но даже если это так, вы недавно перенесли лихорадку, она может затянуться по меньшей мере на неделю. – На ее лице промелькнула досада, она с раздраженным видом прикусила пухлую (*зачеркнуто*)... нижнюю губу. – То есть я уверена, что вы чувствуете себя лучше, выздоравливаете и вам не нужно оставаться здесь больше чем на день... гм... чем на неделю, а не на две, как сказал доктор Стедсон.

Несмотря на ее скептицизм, я воспрянул духом от ее медицинских познаний, это должно указывать на своего рода целительную силу, присущую любому Хранителю Грааля.

– Уверю вас, мне лучше, и я готов завтра отправиться в свое жилище, – сказал я и вздохнул. – Хотите убедиться?

– Да... то есть... нет... я имела в виду, вам не следует мне демонстрировать...

К моему изумлению, она залилась краской. Сжала губы и выглядела одновременно смущенной и раздраженной, как я сам минуту назад.

Я сообразил, что для того, чтобы показать ей зажившую рану, мне нужно снять сюртук и рубашку. Вот не подумал бы, что ее это смутит, ведь она уже видела меня в таком виде, когда помогала своей матери и врачу, хлопотавшим надо мной, тогда она действовала расторопно и умело.

Я болван! Уставясь на нее, я собирал обрывки воспоминаний о лихорадке и понял, что был трудным пациентом. Неудивительно, что она испытывает неловкость в моем присутствии. Я намеревался проинформировать ее о ее долге Хранительницы Грааля, фактически навязавшись постояльцем в дом ее матери, лишив их удовольствий городской жизни, и вся благодарность, которую она за это получила, – это докучливый пациент, которого выворачивало в горшок, который она держала недрогнувшей рукой.

– Дорогая мисс Темплар, пожалуйста, извините меня. Я был резок с вами, докучал вам и вашей матушке. Пожалуй-

ста, верьте моим словам, что я у вас в долгу за заботу обо мне, за ваше терпение, которые сбили меня с толку. Мне не следует удивляться вашему неприятию меня...

Она торопливо шагнула вперед, ее глаза сверкнули.

– Неприятию... ох, нет-нет, вы не должны чувствовать себя обязанным... это просто необычно... и вы были ранены и больны. Мы просто не могли вас оставить. Подумайте, как неловко – вы истекали кровью, это вызвало бы такую сцену в «Олмаке», и вы могли умереть, сплетни пошли бы по всему городу...

Я не выношу женских слез. Она всхлипнула, глаза ее распахнулись, казалось, она вот-вот заплачет. Я сжал ее руку:

– Нет, нет, моя дорогая... мисс Темплар, не надо так расстраиваться. Вы прекрасно поступили, я очень ценю, что вы действовали быстро и с умом. А вот я оказался никудышным в попытке исполнить свой долг. Мне не следовало подходить к вам в «Олмаке», но дело неотложное, особенно потому, что известие о моем присутствии здесь распространилось...

Она сильно сжала мою руку.

– Я знаю, знаю, – мягко сказала она. – Грааль. – Она тронула рукой мой лоб, вид у нее стал озабоченный. – Обещайте мне, что вы останетесь по крайней мере на несколько дней. Обещайте.

Я уверен, что шпионы Бонапарта не прекратили поиски Грааля, мне давно уже надо было направиться в Шотландию с мисс Темплар на буксире, поскольку только Хранительни-

ца Грааля может положить его в тайное место, далекое и хорошо защищенное от Бонапарта. Но когда я смотрел в ее глаза, бурная радость охватила меня. В этот миг я не мог отказать ей ни в чем. Я поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Конечно, – сказал я. – Я останусь на несколько дней, обещаю.

Она вздохнула с облегчением, ее улыбка стала такой широкой и яркой, что все мысли о Бонапарте, Граале, долге вылетели у меня из головы. Она прижала мою руку к своей щеке, и в этот момент не было ничего, кроме улыбающейся сквозь слезы Арабеллы и желания, чтобы время остановилось и я мог пребывать во мнении, что она заботится обо мне.

Я дурак. Круглый дурак.

У. Марстоун.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.